

УДК 343.81

DOI: 10.51522/2307-0382-2023-249-2-38-50

НАДЕЖДА АЛЕКСЕЕВНА БЕЛОВА

доцент кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России,
кандидат исторических наук, доцент, подполковник внутренней службы

✉ nade-belova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5564-5426>

Вологда

**Временные каторжные тюрьмы
в пенитенциарной системе России в начале XX века**

Аннотация. В статье исследуется комплекс вопросов, связанных с местом и ролью временных каторжных тюрем в отечественной пенитенциарной системе начала XX века. Предметом исследования является деятельность данного вида тюремных учреждений в рассматриваемый хронологический период. Цель настоящей публикации – изучение истории создания и особенностей функционирования временных каторжных тюрем в начале XX столетия. Методологическую основу статьи составили принципы историзма и объективности, философские, общенаучные и специальные исторические методы: диалектический, системный, анализ, синтез, обобщение, историко-генетический, историко-сравнительный, ретроспективный, хронологический, типологический. В результате проведенного исследования прослежена эволюция системы временных каторжных тюрем, функционировавших на территории Европейской России в изучаемый период, выявлены специфика и динамика развития данных пенитенциарных учреждений, особенности содержания в них политических и уголовных арестантов каторжного разряда, проанализированы основные проблемы, с которыми сталкивались эти тюрьмы, а также способы их решения. Сделан вывод о необходимости изучения исторического опыта деятельности временных каторжных тюрем, имеющего как теоретическую, так и практическую значимость.

Ключевые слова: история пенитенциарной системы России, тюрьма, временная каторжная тюрьма, тюремное заключение

Для цитирования

Белова Н. А. Временные каторжные тюрьмы в пенитенциарной системе России в начале XX века // Вестник уголовно-исполнительной системы. 2023. № 2. С. 38–50. <https://www.doi.org/10.51522/2307-0382-2023-249-2-38-50>.

В современной отечественной уголовно-исполнительной системе тюрьма представляет собой один из немногочисленных видов исправительных учреждений, отличающихся наиболее жесткими условиями содержания заключенных. На данный момент в России функционируют восемь тюрем, находящихся в городах Владимире, Покрове Владимирской области, Ельце Липецкой области, Балашове Саратовской области, Верхнеуральске Челябинской области,

Димитровграде Ульяновской области, Енисейске и Минусинске Красноярского края. По состоянию на 1 октября 2022 года в них содержались 1 480 человек, что составило 0,33 % от общей численности заключенных в стране [1].

Эти тюрьмы, как максимально изолированные учреждения с наибольшим количеством ограничений, предназначены для отбывания наказания в виде лишения свободы наиболее опасными преступниками. По действующему за-

© Белова Н. А., 2023

NADEZHDA A. BELOVA

Assistant Professor of the Department of Philosophy and History of VILE of the FPS of Russia,
 Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Lieutenant Colonel of the Internal Service
 ✉ nade-belova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5564-5426>

Vologda

Temporary hard labor prisons in the penitentiary system of Russia at the beginning of the 20th century

Abstract. The article examines a set of issues related to the place and role of temporary hard labor prisons in the domestic penitentiary system of the early twentieth century. The subject of the study is the activity of this type of prison institutions in the chronological period under consideration. The purpose of this publication is to study the history of the creation and features of the functioning of temporary hard labor prisons at the beginning of the 20th century. The methodological basis of the article was the principles of historicism and objectivity, philosophical, general scientific and special historical methods: dialectical, systemic, analysis, synthesis, generalization, historical-genetic, historical-comparative, retrospective, chronological, typological. As a result of the study, the evolution of the system of temporary hard labor prisons that functioned on the territory of European Russia in the period under study was traced, the specifics and dynamics of the development of these penitentiary institutions, the features of keeping political and criminal prisoners of the hard labor category in them were identified, the main problems these prisons faced were analyzed, as well as ways to solve them. It is concluded that it is necessary to study the historical experience of the activities of temporary hard labor prisons, which has both theoretical and practical significance.

Keywords: history of the Russian penitentiary system, prison, temporary hard labor prison, imprisonment

For citation

Belova N. A. Temporary hard labor prisons in the penitentiary system of Russia at the beginning of the 20th century // *Vedomosti of the Penal System*. 2023. No. 2. P. 38–50. <https://www.doi.org/10.51522/2307-0382-2023-249-2-38-50>.

конодательству, к ним отнесены мужчины, осужденные к лишению свободы на срок свыше пяти лет с отбыванием части срока наказания в тюрьме за совершение особо тяжких преступлений, при особо опасном рецидиве, а также лица, переведенные в тюрьму на срок до трех лет за нарушение установленного порядка отбывания наказания в исправительных колониях всех видов режима (статья 130 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации [2]).

Поскольку, по мнению Каданевой Е. А., до настоящего времени вопрос о целесообразности существования тюрем остается дискуссионным [3], представляется актуальным обращение к истории временных каторжных тюрем (централов*) на территории Европейской России, действовавших в начале XX века.

* Неофициальное название «централ» («централка») в дореволюционной России закрепилось за каторжными тюрьмами, как постоянными, так и временными.

Особый вклад в изучение вопросов, связанных с функционированием вышеупомянутых учреждений, спецификой содержания в них каторжных арестантов, внес Гернет М. Н. [4]. Вместе с тем он, как советский ученый, не мог описать историю временных каторжных тюрем монархической России, не критикуя их карательную сущность и использование государством в качестве инструмента для борьбы с революционным движением. При этом основной акцент автором был сделан на известнейших политических тюрьмах – Шлиссельбургской и Орловской.

Исследуемая в настоящей статье проблематика рассматривалась преимущественно на уровне конкретных учреждений. Из немногочисленных дореволюционных работ интерес представляют публикации Бродовского В. И. [5] и Климова А. [6, с. 1082–1091], посвященные соответственно Херсонской и Николаевской тюрьмам.

В советский период материалы о временных каторжных тюрьмах активно публиковались в 1920-х – первой половине 1930-х годов. Очерки и воспоминания бывших политкаторжан, несмотря на политизацию и субъективность, содержали ценные сведения о местах отбытия ими наказания. Необходимо отметить книги Данцеска Ф., Билибина Н. и Тетерина Н. об Орловском центре, Скобеникова А. – о Владимирском [7], Генкина И. – о Смоленской, Шлиссельбургской, Вологодской, Псковской и Орловской каторжных тюрьмах [8].

Возрождение интереса к рассматриваемой теме произошло в постсоветский период. Среди работ последних десятилетий следует выделить книгу Галаншиной Т. Г., Закурдаева И. В. и Логинова С. Н., посвященную Владимирскому центру, статьи Сараны А. Ю. – Орловскому, Иванякова Р. И., Пушилина Р. В. и Филимонова А. В. – Псковскому [9].

Вместе с тем нужно признать, что попытки обобщения накопленных к настоя-

щему моменту сведений о временных каторжных тюрьмах начала XX столетия не предпринимались.

Значительный рост преступности, вызванный экономическими и политическими последствиями Русско-японской войны и событиями первой русской революции, привел к увеличению численности тюремного населения в целом и арестантов каторжного разряда в частности. Кроме того, по условиям Портсмутского мирного договора Россия отменила ссылку преступников на остров Сахалин и закрыла там штрафную колонию, лишившись тем самым одного из основных мест отбытия каторжных работ. Представление Министра юстиции о мероприятиях, вызванных отменой ссылки на Сахалин, было рассмотрено на заседании Госсовета. Согласно мнению последнего, высочайше утвержденному 26 апреля 1906 года, в связи с упразднением на Сахалине управления Корсаковского округа часть средств, ассигнованных в составе условного кредита Минюсту по тюремной части, разрешалось расходовать «на усиление тюремного управления и надзора за каторжными арестантами там, где окажется в том надобность» [10].

С отменой ссылки на Сахалин число мест для ссыльнокаторжных арестантов сократилось на 4 800, а количество приговоренных к каторжным работам возросло в 1906 году до 5 500 человек. Причем на 1 января того же года 1 866 арестантов указанной категории уже находились в тюрьмах Европейской России, поскольку каторжные центры в Сибири были переполнены [11].

В сложившейся ситуации единственной мерой для устранения переполнения мест заключения, правильного и согласного с законом размещения каторжных арестантов Главным тюремным управлением (ГТУ) было признано устройство дополнительных тюремных помещений и каторжных тюрем в существовавших учреждениях. Для возведения новых тюремных

зданий требовались более продолжительное время и крупные денежные средства, которыми ведомство не располагало.

Весной 1906 года для содержания каторжных было начато переустройство Московской центральной пересыльной (Бутырской) тюрьмы, в которой по окончании ремонта должны были размещаться 1 200 человек. Во время ремонтных работ число мест для этих арестантов было сначала определено на 440 человек, а затем доведено до 600. В августе того же года ГТУ приняло решение о приспособлении для содержания каторжных арестантов Владимирского, а в октябре – и Смоленского арестантских исправительных отделений, в которых для указанного контингента было отведено по 600 мест. В первом из них число мест позже было увеличено до 660 [11].

Примечательно, что при производстве обыска одной из первых партий каторжных, прибывших во Владимирское исправительное отделение 7 октября 1906 года, были обнаружены запрещенные предметы: две пачки английских пилок, спрятанные в подошвах обуви, металлический лобзик и два флакона с сильнодействующими средствами, вложенные в хлебе [12].

На 1 января 1907 года в упомянутых местах заключения содержались 1 885 каторжан, из них в Московской пересыльной тюрьме – 584, Владимирском исправительном отделении – 650, Смоленском – 651 [11].

Во второй половине 1907 года по распоряжению ГТУ под временную каторжную тюрьму было начато приспособление зданий бывшего штурманского училища в городе Николаеве Херсонской губернии, а также строительство новых корпусов, квартир для чинов администрации и надзора, одиночного корпуса бани и прачечной. Работы были осуществлены в короткие сроки. 28 декабря того же года туда была доставлена первая партия арестантов в количестве 39 человек [13, с. 717]. Всего в новую тюрьму, рассчитанную на

450 мест, в декабре 1907 – январе 1908 года были направлены 255 арестантов, в том числе из Екатеринослава – 70, Эривани – 20, Тифлиса – 26, Баку – 11, Севастополя – 5, Кишинева – 1, Херсона – 19, Новочеркасска – 19, Симферополя – 24, Владикавказ – 22, Одессы – 25, Курска – 13 [14]. Николаевская тюрьма стоила для казны 270 тысяч рублей [6, с. 1091].

В 1908 году среднесуточное число арестантов каторжного разряда, содержащихся во временных каторжных тюрьмах Европейской России, возросло до 1 964 человек [15]. Данное обстоятельство вынудило ГТУ назначить для размещения упомянутого континента Орловское арестантское исправительное отделение, реорганизованное во временную каторжную тюрьму [16]. Первое упоминание о поступлении туда каторжан датируется 25 марта 1908 года. Орловский централ занимал пять зданий: главный корпус на 734 места; «крепостной» корпус для лиц, приговоренных к заключению в крепость, на 117 мест; одиночный корпус для временного содержания вновь прибывших каторжан на 184 места; «новый» корпус на 218 человек и больницу на 70 мест [4, с. 254].

В 1908 году для размещения арестантов указанной категории было начато приспособление зданий бывшей Шлиссельбургской каторжной тюрьмы [16] и переустройство части помещений Вологодского исправительного арестантского отделения (на 523 места) [17, с. 80].

В 1909 году работы по приспособлению последнего из упомянутых учреждений под каторжную тюрьму были завершены. Некоторые чрезмерно большие по размерам камеры главного корпуса были разделены кирпичными стенками. Часть помещений в здании мастерских переоборудована под 23 камеры, предназначенные для изоляции наиболее нравственно испорченных арестантов. Также устроены новые карцеры и увеличены размеры хозяйственных помещений: кухни-хлебопе-

карни, цейхгаузов и паровой бани-прачечной [17, с. 76–77].

Кроме того, в 1909 году были продолжены работы по расширению Шлиссельбургской тюрьмы и начато приспособление под временные каторжные тюрьмы зданий исправительных арестантских отделений в Варшаве, Саратове и Херсоне. Их переустройство сводилось к «ремонту и укреплению отдельных частей зданий для предстоящего содержания в них серьезных преступников» [17, с. 77].

По всей вероятности, в том же году было начато и переоборудование исправительного арестантского отделения в Пскове, поскольку в губернском обзоре за 1910 год оно упомянуто уже в качестве Псковской временной каторжной тюрьмы [18].

Приспособление помещений под временные каторжные тюрьмы к 1910 году, по мнению руководства ГТУ, стало одной из неотложных задач тюремного строительства. В том же году было завершено расширение Шлиссельбургской каторжной тюрьмы путем постройки нового арестантского корпуса и надстройки тюремной больницы, давшее 464 общих и 28 одиночных мест, приспособление арестантских отделений: Варшавского (1 122 общих и 157 одиночных мест), Саратовского (1 042 общих и 21 одиночного мест) и Херсонского (1 371 и 35 мест соответственно) [19].

Особой спецификой отличалось внутреннее устройство Херсонской временной каторжной тюрьмы. Арестанты разделялись на роты и размещались в больших казармах, поделенных на общие камеры, которые во всю их длину были заграждены сплошной железной решеткой, заменявшей переднюю стену. Решетка каждой такой камеры уподобляла ее «клетке зверинца», где заключенный «ни на минуту не мог скрыться с глаз своих тюремщиков, что действовало особо подавляюще на его психику» [20]. Стоит отметить, что на территории тюремного двора кроме тради-

ционных для подобных учреждений зданий и помещений имелись биологическая станция и оранжерея [5, с. 5].

В 1910 году приступили к приспособлению под временные каторжные тюрьмы еще ряда исправительных арестантских отделений: Харьковского (747 общих, 76 одиночных мест и 160 камер ночного разъединения*), Рижского (890 общих, 58 одиночных мест и 48 камер ночного разъединения) и Ярославского (680 общих и 63 одиночных места). Помимо ремонтных работ, предпринятых для исправления и укрепления зданий этих отделений, в Харьковском и Ярославском отделениях были расширены посредством надстройки этажей и пристроек мастерские и больница, а в Ярославле, кроме того, – контора, баня-прачечная и кухня с хлебопекарней [19].

В 1911 году приспособление упомянутых учреждений под каторжные тюрьмы (в общей сложности на 3 661 место) было завершено. Кроме того, в Харьковской тюрьме достроили больницу на 100 мест и мастерские при той же тюрьме, а также при Вологодской, Саратовской и Николаевской тюрьмах [22]. Примечательно, что в ярославских «Коровниках» на техническое переоснащение и устройство электрической сигнализации было израсходовано 2 959 рублей 27 копеек [23].

В итоге к концу 1911 года на территории Российской империи (в европейской ее части) функционировали 14 временных каторжных тюрем. Число в них камер, мест и среднесуточное количество арестантов каторжного разряда по состоянию на 1 января 1912 года представлены в таблице 1 (составлено по отчету по Главному тюремному управлению за 1911 год [24]).

Шебалков С. В. в своем исследовании сообщает, что во временные каторжные тюрьмы направлялись наиболее опасные

* Эти камеры стали оборудоваться в исправительных арестантских отделениях в соответствии с Временными правилами о замене ссылки на поселение и житье другими наказаниями, высочайше утвержденными 10 июня 1900 г. [21].

Таблица 1

Характеристика каторжных тюрем

Временная каторжная тюрьма	Число общих камер	Число мест в общих камерах	Число одиночных камер / в том числе ночного разъединения	Среднесуточное число присужденных к каторжным работам (мужчин/женщин)
Варшавская	42	1 122	157 / 72	984 / –
Владимирская	92	968	60	799 / –
Вологодская	58	596	34	500 / –
Московская центральная пересыльная (Бутырская) (каторжное отделение)	137*	1 199	47	1 252 / 9
Николаевская	35	526	22	598 / –
Орловская	48	888	184	780 / –
Псковская	42	994	65 / 33	400 / –
Рижская	32	901	100 / 48	677 / –
Саратовская	82	1 044	21	987 / –
Смоленская	56	792	28	767 / –
Харьковская **	72	1 070	234 / 160	284 / –
Херсонская	18	1 195	31	1 100 / –
Шлиссельбургская	50	802	68	710 / –
Ярославская	30	572	162	689 / –

*С пересыльным отделением.

**Указана еще как исправительное арестантское отделение.

преступники, как общеуголовные, так и политические. Установление точных данных об их соотношении не представляется возможным, поскольку в официальных документах указывалась лишь общая численность содержащихся каторжан. Даже сама тюремная администрация испытывала трудности с определением статуса арестантов. Так, начальник Орловской временной каторжной тюрьмы в 1914 году при сообщении в ГТУ информации о содержащихся в ней 20 осужденных за политические убийства отмечал, что отнес их к политическим, руководствуясь наличием в статейных списках на них сведений о существе приговора, в котором имелись признаки политического преступления, а также наблюдая за перепиской этих арестантов с родственниками.

Поэтому ГТУ рекомендовало администрации тюрем при возникновении сомнений в определении категории арестантов обращаться за помощью к губернским тюремным инспекторам [25].

Судя по имеющимся сведениям, численность в централах заключенных первой из упомянутых категорий существенно превышала количество представителей второй. Так, в Шлиссельбургской временной каторжной тюрьме политические составляли около $\frac{1}{5}$ от общего числа заключенных [4, с. 9]. Узник этой тюрьмы (с декабря 1910 по февраль 1917 года) Симонич В. полагал, что из содержащихся в ней 800 с лишним арестантов политических было около 200, из которых выделялись примерно 50–60 человек, задававших

«моральный и активно боевой тон всей остальной тюремной массе» [26, с. 26]. По его мнению, цель правительства, начавшего сажать политических с уголовными, «людьми, полярно противоположными по своему отношению к миру и по моральному своему облику», заключалась в том, чтобы в политических узниках «убить... дух революции» [26, с. 19].

Орловский централ в первые годы своего функционирования вмещал около 1 200 узников, из которых политическими были 100–150 человек [4, с. 12].

Ввиду того, что для арестантов каторжного разряда занятие работами было обязательным, а выводить их в силу особой опасности на внешние работы запрещалось, во всех временных каторжных тюрьмах устраивались мастерские. Если в тюрьмах, созданных на базе исправительных отделений, для этих целей приспособлялись и дооборудовались уже имевшиеся помещения, то в Николаевском централе два корпуса, предназначенные под мастерские, достраивались после поступления туда арестантов, которых не сразу могли занять работами. В апреле 1908 года их было около 400, а работы по достройке мастерских в основном завершились лишь к июлю. Благодаря тому, что начали функционировать портняжная, токарная, сапожная и переплетно-картонажная мастерские, к концу лета 30 % арестантов работали. В сентябре, когда была оборудована слесарно-токарная мастерская и еще часть контингента стала использоваться на хозяйственных работах, 45 % арестантов по-прежнему оставались праздными. Для занятия их работами администрация тюрьмы заключила соглашение с Николаевским военным портом и получила от последнего старые канаты для их расщепления в паклю и пеньку. В итоге лишь к октябрю всех каторжных удалось занять работами [13, с. 717–718].

Работавшие в тюремных мастерских каторжные арестанты выполняли различные заказы государственных и обществен-

ных организаций, частных лиц. Широкое развитие получили работы для военных нужд. Например, при Херсонской временной каторжной тюрьме функционировали военно-обмундировавшая мастерская и военно-сапожная фабрика [5, с. 4]. Лишь часть производимых арестантами каторжного разряда изделий использовались для удовлетворения потребностей тюремного ведомства. В основном это был пошив арестантской одежды. Например, в 1910 году «постройка» таковой в Вологодской каторжной тюрьме полностью обеспечивалась трудом содержащегося контингента [27, л. 5]. В мастерских Орловского централа изготавливались ножные и ручные кандалы, причем не только для местных нужд, но и для всей империи [4, с. 256]. По распоряжению ГТУ в 1912 году часть арестантов временных каторжных тюрем была отправлена в Сибирь на работы по строительству Амурской железной дороги. В частности, из Вологодской тюрьмы туда были этапированы 170 каторжан [28].

Значительная роль во временных каторжных тюрьмах отводилась духовно-нравственному и просветительному воздействию на арестантов в рамках православной религиозной традиции. Молитвы, посты, богослужения и проповеди были признаны важными средствами их исправления. Вследствие этого храмы стали обязательным атрибутом централов. К примеру, в Николаевской временной каторжной тюрьме освящение церкви во имя святого благоверного князя А. Невского, устроенной в мезонине главного корпуса, состоялось 12 декабря 1908 года. Ее помещение позволяло выводить на богослужения одновременно не более 200 заключенных. Поэтому, чтобы по возможности удовлетворить эту нравственную потребность большинства осужденных, для них была установлена очередь. Кроме того, часть церкви, за исключением ее алтаря, задвигаемая специально устроенным железным занавесом, служила школой ввиду отсутствия в

тюрьме подходящего для этих целей помещения [29].

Некоторые централы посещались местными архипастырями. Так, 14 февраля 1910 года Орловскую тюрьму впервые посетил епископ Орловский и Севский Александр. В тюремном храме хор каторжан исполнил «Достойно есть». Затем владыкой в сослужении протоиерея кафедрального собора и священника тюремной церкви была совершена божественная литургия и молебен. По окончании богослужения архипастырь благословил присутствовавших начальствующих лиц и заключенных, а после «душевно беседовал с последними, призывая к покаянию и исправлению» [30].

В свободное от работы время для каторжных арестантов священниками тюремных храмов велись школьные занятия, устраивались духовно-нравственные и общеобразовательные чтения и беседы.

Необходимость соблюдения пищевых ограничений во время православных постов («в чуждых религиозных целях») вызвала особое возмущение политкаторжан, среди которых было много атеистов, а также представителей «инославных» вероисповеданий. Ухудшение питания заключенных во время постов дважды послужило поводом к беспорядкам в Вологодском центре – в 1909 и 1910 годах. И если первый из бунтов никакой официальной огласки не получил, то информация о втором, инициаторами которого выступили политкаторжане-бессрочники, переведенные из Шлиссельбургской тюрьмы, где большинство из них «пользовались репутацией неисправимых протестантов» [8, с. 309], приобрела широкое распространение. Основанием тому послужила массовая порка виновных в учинении беспорядков. 72 человека по распоряжению губернского тюремного инспектора были подвергнуты телесному наказанию розгами по 30 ударов каждому [27, л. 6].

Следует отметить, что в некоторых тюрьмах помимо православных храмов

оборудовались помещения для проведения богослужений представителями других конфессий. Так, в Херсонской временной каторжной тюрьме наряду с православной церковью имелись римско-католическая часовня и синагога [5, с. 3–4]. Но лишь Общей тюремной инструкцией 1915 года (статья 241) было закреплено посещение богослужений арестантами по обрядам их вероисповедания и ежегодное говение православными арестантами [31].

Бунты во временных каторжных тюрьмах возникали и по другим поводам. Однако, как и в вышеупомянутых случаях, их инициаторами выступали политические заключенные, боровшиеся за свои права. Так, «голый бунт» в Смоленском центре в конце 1906 – начале 1907 года стал своеобразным протестом политкаторжан против плохих условий и строго регламентированного режима содержания. Особое недовольство было связано с состоянием выдаваемого арестантского нательного белья (постельное вообще отсутствовало). Заключенные одной из камер отказались надевать казенное белье и призвали присоединиться к ним остальных каторжан. Протест был поддержан всеми арестантами тюрьмы: вскоре в ее коридорах «образовались целые горы арестантской одежды» [8, с. 43]. Увещевания каторжан местным тюремным руководством «бросить эту затею» результатов не принесли, и после голодовки, учиненной политзаключенными 9 января (в ознаменование годовщины кровавого воскресенья), оно обратилось в ГТУ с просьбой положить конец бесчинству арестантов. На основании полученного из Петербурга распоряжения главных зачинщиков бунта перевели в Шлиссельбург [8, с. 45, 47]. Однако этой меры оказалось недостаточно, и для наведения порядка из Пскова был направлен «опытный тюремщик» Черлениовский П. И. 14 наиболее активных политкаторжан перевели в камеры подвального этажа. Также была усилена охрана тюрьмы, проведены строительные работы (замена деревян-

ных полов каменными, переделка вентиляционных труб и прочее), затруднившие общение между заключенными. Именно перестройка здания сыграла решающую роль в подавлении бунта [32].

Суровым режимом отличались Ярославский, Псковский, Вологодский и Шлиссельбургский централы, но наиболее страшной славой пользовался Орловский, «известный как застенок, в котором каторжане избивались систематически» [20]. Туда для исправления направлялись «непокорные заключенные со всех каторжных тюрем» [33, с. 17].

Поскольку особых инструкций и предписаний ГТУ для Орловской временной каторжной тюрьмы не разрабатывало, причиной «физических пыток и моральных истязаний» содержащихся в ней арестантов, по мнению Гернета М. Н., были «люди, которые создавали и определяли тюремный режим», а главными его «виновниками» ученый считал губернатора Андреевского С. С., тюремного инспектора фон Кубе Э. и начальника Орловской временной каторжной тюрьмы Мацевича Н. Ф. «Орловские тюремщики», как полагал исследователь, «отличались особыми качествами» и были «не просто черносотенцами, которые не за страх, а за совесть служили царскому престолу», а «лично пострадавшие... от революционной бури 1905–1907 годов» и поэтому испытывали ненависть к революционерам и были «буквально опьянены жаждой мести» [4, с. 265].

Наибольшей жестокостью отличались приемки партий каторжан в первые годы существования Орловского централа. Как вспоминал один из его бывших узников, «при приеме этапа на глазах всех бьют „для примера“ всех тех из прибывших, которые пришли с предписанием о предосудительном, с точки зрения надзирателя, преступлении, и всех тех, кто не импонирует своим видом» [34].

Во время отбывания наказания арестанты за любые нарушения режима привлека-

лись к дисциплинарным взысканиям (нередко переводу в карцер и битью розгами), а также подвергались «незаконным» методам воздействия со стороны надзирателей – избиениям. Многие заключенные не могли этого вынести и покушались на самоубийство. Благодаря революционной прессе наибольший общественный резонанс имели факты самоубийства политкаторжан Яковенко, Сапотницкого А. и Судых И. «Это не были самоубийства протеста. Это были самоубийства отчаяния» [35]. Однако и «умереть в Орле тоже было трудно» [33, с. 21], поскольку попытки суицидов пресекались надзирателями.

В целом в упомянутой тюрьме отмечался высокий уровень заболеваемости и смертности. По состоянию на 10 сентября 1909 года в ней при среднесуточном количестве в 1 000 заключенных были больны туберкулезом 100 человек. Также эта болезнь стала причиной смерти 60 из 70 человек, умерших в тюрьме за девять месяцев того же года [4, с. 276]. Комиссия ГТУ, изучавшая ситуацию на месте, выявила 365 туберкулезных больных, причем на третьей стадии развития болезни [33, с. 22]. В качестве «оздоровительной меры» была признана необходимость увеличения прогулки заключенных с полчаса до 1 часа 30 минут [4, с. 276].

9 августа 1910 года в Орловском центре случился бунт, в результате которого политкаторжанин Богданов, работавший в хлопко-трепальной мастерской, не выдержав притязаний со стороны надзирателя Ветрова (тот окатил его водой и ударил жгутом из мокрого каната по голове), зарубил последнего топором, сорвал с убитого револьвер и стал стрелять в других надзирателей, ранив при этом надзирателя Андреева. По арестантам, работавшим «на хлопках», охрана открыла огонь. В итоге, как утверждает Гендлин Е. И., шесть человек были убиты и около 30 ранены. Расправа продолжилась и на другой день: «Тридцать три человека были наказаны розгами, сто закованы на год в кан-

дали и рассажены по одиночкам, а 18 преданы московскому военному суду по обвинению в бунте» [33, с. 23]. По данным Гернета М. Н., выездная сессия Московского военно-окружного суда в период с 18 по 21 января 1911 года рассматривала дело о 13 каторжанах Орловской тюрьмы, обвиняемых в попытке массового побега из тюрьмы, в совершении убийства и ранений надзирателей. Суд признал доказанными факты насилия над чинами тюремной администрации, но не доказанным, что обвиняемые по предварительному соглашению в целях массового побега совершили насилие над стражей. Все они были признаны невиновными и оправданы [4, с. 284]. Этот приговор произвел настоящую сенсацию среди каторжан и получил широкую общественную огласку. В сложившейся ситуации ГТУ сочло необходимым заменить «орловских тюремщиков» (они были переведены в другие места заключения с повышением). В Орел была назначена новая администрация во главе с начальником Синайским М. П. Режим при нем в Орловском каторжном центре был несколько смягчен: хотя телесные наказания и перевод арестантов в карцер по-прежнему применялись, открытых истязаний при приемке больше не производилось [4, с. 289].

С началом Первой мировой войны места заключения, оказавшиеся в приграничном с воюющими с Россией странами районе (Привислинском крае), пришлось эвакуировать «путем передвижения из этих мест заключения арестантов важнейших категорий во внутренние области империи» [36]. По данным Гернета М. Н., эшелон с узниками из мест заключения Варшавы в сопровождении надзирателей и других тюремных чинов был отправлен в Орел еще накануне войны, в июле 1914 года [4, с. 304]. В числе 502 эвакуированных заключенных были и арестанты временной каторжной тюрьмы. По прибытии к месту назначения число эвакуированных заключенных уменьшилось до 493: двое

были убиты, судьба еще семи осталась неизвестной [4, с. 308–309]. Вновь прибывшую партию первоначально разместили в Орловской губернской тюрьме, а в декабре 1914 года большинство эвакуированных поляков были переведены в новый корпус местного каторжного центра, за которым с того времени закрепилось название «Краков» [4, с. 319].

В годы войны режим во временных каторжных тюрьмах был несколько ослаблен, взыскания к арестантам применялись значительно реже. В частности, даже в самом суровом Орловском центре в последние годы его существования не было «ни одного упоминания о применении телесного наказания» [4, с. 319].

В первые дни Февральской революции 1917 года восставшими были освобождены узники Шлиссельбургской временной каторжной тюрьмы. Первая партия политзаключенных в количестве 66 человек была выпущена на свободу 28 февраля, остальных освободили 1 марта [4, с. 245, 248]. Более того, в ночь с 4 на 5 марта был совершен поджог тюремных зданий в Шлиссельбурге. По одной версии, это решение было принято революционным комитетом, созданным на пороховых заводах в Шереметевке из числа местных рабочих и освобожденных политкаторжан, по другой – тюремные корпуса самовольно подожгли двое бывших заключенных, предварительно облив их нефтью. Часть имущества из тюрьмы была вывезена [4, с. 249–250].

Из других временных каторжных центров политические заключенные и значительное число уголовных были освобождены по амнистии, объявленной Временным правительством 6 марта [37]. Однако часть уголовных арестантов продолжали отбывать там наказание.

После Октябрьской революции временные каторжные тюрьмы были реорганизованы в другие виды мест заключения (было упразднено даже само понятие «тюрьма»), однако по-прежнему продол-

жали использоваться в пенитенциарных целях.

Таким образом, создание после закрытия Сахалинской каторги в европейской части России сети временных каторжных тюрем на базе существовавших мест лишения свободы явилось важным и необходимым шагом в деле размещения и содержания в условиях строгой изоляции наиболее опасного контингента, численность которого значительно возросла под влиянием крупных государственных потрясений тех лет. Основными сложностями при устройстве этих учреждений были недостаточное финансирование тюремного ведомства и срочный характер их ввода в эксплуатацию. Поскольку каторга в дореволюционной России яв-

лялась самым тяжелым наказанием после смертной казни, временные каторжные тюрьмы отличались от других видов мест заключения особой строгостью режима содержания. До начала революционных потрясений 1917 года временные каторжные тюрьмы оставались одним из основных инструментов изоляции и наказания опасных для государства уголовных и политических преступников.

Осмысление исторического опыта создания и функционирования этих учреждений представляет значительный интерес как в контексте изучения истории отечественной пенитенциарной системы, так и в плане извлечения уроков, полезных для дальнейшего ее совершенствования в современных условиях.

1. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // ФСИН России : [сайт]. 01.11.2022. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 01.11.2022).
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 11.06.2022). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. *Каданева Е. А.* Значение тюрьмы как вида исправительного учреждения // Вестник Кузбасского института. 2017. № 3. С. 36.
4. *Гернет М. Н.* История царской тюрьмы. В 5 т. 3-е изд. Т. 5. Шлиссельбургская каторжная тюрьма и Орловский каторжный централ 1907–1917. М., 1963. 340 с.
5. Каторжная тюрьма / сост. В. О. Бродовский. Херсон, 1912. 47 с.
6. *Климов А.* Описание Николаевской временной каторжной тюрьмы (Херсонской губернии) // Тюремный вестник. 1909. № 11.
7. *Данцкес Ф., Билибин Н.* Орловский централ. М., 1925. 16 с. ; *Тетерин Н. Н.* В Орловский застенок (очерк из жизни каторжан). М., 1926. 32 с. ; *Скобеников А. И.* Во Владимирской каторжной тюрьме. 1907–1911 гг. Владимир, 1926. 23 с.
8. *Генкин И. И.* По тюрьмам и этапам. Петроград, 1922. 487 с.
9. *Галанишина Т. Г., Закурдаев И. В., Логинов С. Н.* Владимирский централ. М., 2007. 411 с. ; *Саран А. Ю.* Орловский централ как образцовая тюрьма империи // Уроки истории: к 50-летию создания кафедры истории России Российского университета дружбы народов. М., 2021. С. 210–214 ; *Иваняков Р. И., Пушилин Р. В., Филимонов А. В.* Псковская временная каторжная тюрьма – Псковский централ в XIX – начале XX века // Очерки становления и развития пенитенциарных учреждений в Псковском крае. Псков, 2017. С. 32–53.
10. О мероприятиях, вызываемых отменой ссылки на остров Сахалин : Выс. утв. мнение Гос. Совета от 26.04.1906 № 27824 // ПСЗРИ (Полное собрание законов Российской империи). Собр. 3-е. Т. 26. Отд. 1-е. СПб., 1909. С. 504.
11. Отчет по Главному тюремному управлению за 1906 год. СПб., 1908. С. 255.
12. Сообщения // Тюремный вестник. 1906. № 9. С. 632.
13. Арестантские работы в Николаевской временной каторжной тюрьме // Тюремный вестник. 1909. № 6–7.
14. Хроника тюремной жизни // Тюремный вестник. 1908. № 2. С. 150.
15. Отчет по Главному тюремному управлению за 1908 год. Ч. 2. Приложения. СПб., 1910. С. 98.

16. Распоряжения по тюремному ведомству // Тюремный вестник. 1908. № 4. С. 336.
17. Отчет по Главному тюремному управлению за 1908 год. Ч. 1. СПб., 1910.
18. Статистический обзор Псковской губернии за 1910 год. Псков, 1911. С. 25.
19. Отчет по Главному тюремному управлению за 1910 год. Ч. 1. СПб., 1912. С. 66.
20. Центральные каторжные тюрьмы // Альбом по истории ВКП(б). 1874–1917 / общ. ред. С. И. Мицкевича, Н. М. Дружинина. М., 1928. С. 94.
21. Временные правила о замене ссылки на поселение и житье другими наказаниями, высочайше утвержденные 10 июня 1900 г. // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 20. Отд. 1-е. СПб., 1902. С. 631.
22. Отчет по Главному тюремному управлению за 1911 год. Ч. 1. СПб., 1913. С. 47.
23. Приговор приведен в исполнение: к 125-летию уголовно-исполнительной системы России / [авт.-сост. А. Н. Пичуев.]. Ярославль, 2004. С. 61.
24. Отчет по Главному тюремному управлению за 1911 год. Ч. 2. СПб., 1913. С. 43–45, 53–55, 57, 60, 62–64, 65–66, 69–70, 72.
25. Шибалков С. В. Повседневность политических заключенных в тюремных учреждениях Российской империи 1879–1917 гг. (на материалах губерний Европейской части страны) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Казань, 2016. С. 72.
26. Симонович В. А. В новом Шлиссельбурге. М., 1934.
27. Отчет о деятельности Вологодской губернской тюремной инспекции за 1910 год // Государственный архив Вологодской области. Ф. 17. Оп. 2. Д. 77.
28. Отчет о деятельности Вологодской губернской тюремной инспекции за 1912 год. Вологда, 1913. С. 32.
29. Хроника тюремной жизни // Тюремный вестник. 1909. № 1. С. 47.
30. Хроника тюремной жизни // Тюремный вестник. 1910. № 4. С. 529–530.
31. Общая тюремная инструкция : утверждена г. Министром юстиции 28 декабря 1915 года. Петроград, 1916. С. 71.
32. Будаев Д. И. «Голый бунт» (1906–1907 гг.) // Вопросы истории. 1981. № 11. С. 181–182.
33. Гендлин Е. Из мира заживо погребенных // По тюрьмам. Сборник воспоминаний из эпохи первой революции. М., 1925.
34. Из Орловского централа (письмо заключенного) // Будущее. 1912. № 33. С. 3.
35. Самоубийства в Орловской тюрьме // Будущее. 1913. № 46. С. 2.
36. Отчет по Главному тюремному управлению за 1914 год. Ч. 1. СПб., 1915. С. 29.
37. Об амнистии : Указ Временного правительства от 06.03.1917 // Вестник Временного правительства. Петроград, 1917. № 3. С. 1.

1. Brief description of the penitentiary system of the Russian Federation // FPS of Russia : [website]. 11/01/2022. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (date of access: 11/01/2022).
2. The Penal Code of the Russian Federation dated January 8, 1997 No. 1-FL (as amended on June 11, 2022). Access from LRS «ConsultantPlus».
3. Kadaneva E. A. Significance of a prison as a type of correctional institution // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2017. No. 3. P. 36.
4. Gernet M. N. The history of the royal prison. In 5 vols. 3rd ed. T.Shlisselburg hard labor prison and Oryol hard labor central 1907–1917. М., 1963. 340 p.
5. Hard labor prison / comp. V. O. Brodovsky. Kherson, 1912. 47 p.
6. Klimov A. Description of the Nikolaev temporary hard labor prison (Kherson province) // Prison Bulletin. 1909. No. 11.
7. Danzskes F, Bilibin N. Orlovsky central. М., 1925. 16 p. ; Teterin N. N. In the Orlovsky dungeon (a sketch from the life of convicts). М., 1926. 32 p. ; Skobennikov A. I. In the Vladimir hard labor prison. 1907–1911. Vladimir, 1926. 23 p.
8. Genkin I. I. In prisons and on stages. Petrograd, 1922. 487 p.

9. Galanshina T. G., Zakurdaev I. V., Loginov S. N. *Vladimir Central*. M., 2007. 411 p. ; Saran A. Yu. Orlovsky Central as an exemplary prison of the empire // *Lessons of history: on the 50th anniversary of the creation of the Department of Russian History of the Peoples' Friendship University of Russia*. M., 2021. P. 210–214 ; Ivanyakov R. I., Pushilin R. V., Filimonov A. V. Pskov temporary hard labor prison – Pskov central in the 19th – early 20th centuries // *Essays on the formation and development of penitentiary institutions in the Pskov region*. Pskov, 2017. P. 32–53.
10. About the measures caused by the abolition of the exile to Sakhalin Island : Vys. approved the opinion of Mrs. Council of April 26, 1906 No. 27824 // CCLRE (Complete collection of laws of the Russian Empire). Coll. 3rd. V. 26. Dep. 1st. SPb., 1909. P. 504.
11. Report on the Main Prison Department for 1906. SPb., 1908. P. 255.
12. Messages // *Prison Bulletin*. 1906. No. 9. P. 632.
13. Prison work in the Nikolaev temporary hard labor prison // *Prison Bulletin*. 1909. No. 6–7.
14. Chronicle of prison life // *Prison Bulletin*. 1908. No. 2. P. 150.
15. Report on the Main Prison Department for 1908. Part 2. Applications. SPb., 1910. P. 98.
16. Orders on the prison department // *Prison Bulletin*. 1908. No. 4. P. 336.
17. Report on the Main Prison Department for 1908. Part 1. St. Petersburg, 1910.
18. Statistical review of the Pskov province for 1910. Pskov, 1911. P. 25.
19. Report on the Main Prison Department for 1910. Part 1. St. Petersburg, 1912. P. 66.
20. Central hard labor prisons // *Album on the history of the VKP(b). 1874–1917 / gen. ed. S. I. Mitskevich, N. M. Druzhinin*. M., 1928. P. 94.
21. Temporary rules on replacing the exile to settlement and life with other punishments, approved by the highest on June 10, 1900 // CCLRE. Coll. 3rd. T. 20. Dep. 1st. SPb., 1902. P. 631.
22. Report on the Main Prison Department for 1911. Part 1. St. Petersburg, 1913. P. 47.
23. The verdict was carried out: to the 125th anniversary of the penal system of Russia / [ed. A. N. Pichuev.]. Yaroslavl, 2004. P. 61.
24. Report on the Main Prison Department for 1911. P. 2. St. Petersburg, 1913, P. 43–45, 53–55, 57, 60, 62–64, 65–66, 69–70, 72.
25. *Shebalkov S. V.* Everyday life of political prisoners in prisons of the Russian Empire in 1879–1917 (on the materials of the provinces of the European part of the country) : Thesis. ... Cand. of Hist. Sciences : 07.00.02. Kazan, 2016, P. 72.
26. *Simonovich V. A.* In the new Shlisselburg. M., 1934.
27. Report on the activities of the Vologda provincial prison inspection for 1910 // State archive of the Vologda region. F. 17. Op. 2. D. 77.
28. Report on the activities of the Vologda provincial prison inspection for 1912. Vologda, 1913. P. 32.
29. Chronicle of prison life // *Prison Bulletin*. 1909. No. 1. P. 47.
30. Chronicle of prison life // *Prison Bulletin*. 1910. No. 4. P. 529–530.
31. General Prison Instruction : approved by Mr. Minister of Justice on December 28, 1915. Petrograd, 1916. P. 71.
32. *Budaev D. I.* «Naked rebellion» (1906–1907) // *Questions of history*. 1981. No. 11. P. 181–182.
33. *Gendlin E.* From the world of the buried alive // In prisons. Collection of memories from the era of the first revolution. M., 1925.
34. From the Orlovsky central (letter from a prisoner) // *Future*. 1912. No. 33. P. 3.
35. Suicides in the Oryol prison // *Future*. 1913. No. 46. P. 2.
36. Report on the Main Prison Department for 1914. Part 1. St. Petersburg, 1915. P. 29.
37. About amnesty : Decree of the Provisional Government of 03/06/1917 // *Bulletin of the Provisional Government*. Petrograd, 1917. No. 3. P. 1.

